

А. С. Архангельский

**Духовное образование и
духовная литература в России
при Петре Великом**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

A11 **А. С. Архангельский**
Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом /
А. С. Архангельский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 214 с.

ISBN 978-5-4241-5770-7

Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом

ISBN 978-5-4241-5770-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ступали безграмотные мужики, нередко из холопов, которые так и оставались холопами до гробовой доски: ряса не покрывала ихъ умственнаго убожества и не сообщала имъ должнаго авторитета. Бѣдность, даявшая духовенству, держала его въ прямой зависимости отъ миряновъ, отнимала у него послѣднюю возможность подняться нравственно. О состояннн приходоѵ не представлялось никакой отчетности. Высшая церковная иерархія мало знала определеннаго о томъ, что творилось по епархиямъ. Безначалне простиралось и на многие монастыри, тамъ также мало по малу падала строгость нравовъ, и туда проникала распущенность; прежние расадники просвѣщенія, они теперь дѣлались притокомъ лѣни и невѣжества — Темныхъ сторонъ въ русской жизни до Петра Великаго такъ много, что они почти совсѣмъ затѣняютъ свѣтъ, а потому картина этой жизни выходитъ всегда мрачною.

Ко времени Петра Великаго, во второй половинѣ 17 ст., стала появляться въ Москвѣ киевскіе ученые. Типъ ихъ хорошо извѣстенъ. На первыхъ порахъ они были приняты въ столицѣ не благосклонно, чему причиною отчасти служили они сами, а отчасти — неразборчивая подозрительность ихъ противниковъ, видѣвшихъ въ южно-русскомъ духовномъ образованнн явные слѣды католицизма. Дѣятельность киевцевъ на сѣверѣ, поэтому, не принимала широкихъ размѣровъ и до начала 18 ст. не принесла здѣсь существенно важныхъ плодовъ, вслѣдствіе чего у историковъ петровской эпохи встрѣчаются тѣже жалобы на невѣжество духовенства и деморализацію народа, какія слышались и раньше.

Характернымъ памятникомъ этихъ жалобъ служить, между прочимъ, „книга о скудости и богатствѣ“ крестьянина Ивана Посошкова. Отъ природы умный и любознательный, Посошковъ усердно заботился о своемъ самообразованнн; горячо любя Россію, онъ прилежно читалъ все, что могло познакомить его съ ея прошедшимъ, съ ея исторіей и съ ея настоящимъ,

современнымъ ему положеніемъ. Матеріальныя средства къ приобрѣтенію книгъ и записокъ у него были. Посошковъ глубоко скорбѣлъ объ упадкѣ православія, религіозности въ русскомъ народѣ и объяснялъ этотъ печальный фактъ вѣковымъ невѣжествомъ духовенства; отъ образованія же духовнаго сословія онъ ожидалъ всего лучшаго въ данномъ случаѣ для своихъ соотечественниковъ, „Аще будутъ, писалъ онъ, въ духовномъ чинѣ люди неученыя, въ писаніи неискусныя и вѣры христіанской всесовершеннаго основанія невѣдущія и воли Божіей неразумѣющія, ктому же аще будутъ пьяницы и инаго всякаго безумія и безчинства наполнены, то благочестивая наша вѣра вся исказится и весьма испразднится, и вмѣсто древняго единогласнаго благочестія вси разыдутся въ разногласныя расколы и во иныя еретическія вѣры“. Доказательство этой мысли у него было подъ руками. „Отъ пресвитерскаго небреженія, говоритъ онъ, уже много нашего россійскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось,.... въ древнемъ же благочестіи уже малая часть остается, ибо въ великомъ Новгородѣ едва и сотая часть обряцется древняго благочестія держащихся“. Невѣжество духовенства положительно удивляло Посошкова. Между столичными священниками встрѣчалъ онъ такихъ, которые не умѣли ничего сказать „противъ заданія татарки“,—„что же можетъ рещи (спрашиваетъ онъ) сельскій попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ“? — Безъ званія сущности вѣры и ея основъ, конечно, немислима была проповѣдь. И она давно замолкла на Руси; это и не удивляло Посошкова, какъ дѣло обыкновенное. Больше онъ смущался тѣмъ, что богослуженіе отправлялось „наугадъ, какъ кому примыслится“, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда его совершалъ „той пресвитеръ, кой довольное время былъ въ городѣ при соборѣ, или при разумномъ пресвитерѣ въ подначальствѣ А буде кой подъ началомъ не много побылъ, продолжаетъ Посошковъ

то ничего и по книгамъ отправить не могъ" (1). Жалуюсь на безнравственность духовенства, Посошковъ преобладающими и особенно предосудительными пороками его называетъ пьянство и корыстолюбіе (2), развившіяся вслѣдствіе матеріальной и духовной бѣдности клириковъ, не имѣвшихъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ вымогательства за требы, вознагражденій за укрывательство раскольниковъ, за поблажку прихожанамъ, или наконецъ, кромѣ прибытковъ съ земледѣльческаго промысла, которымъ доводилось заниматься лично и священникамъ, — не имѣвшихъ болѣе высокихъ наслажденій, какъ залить горе виномъ, или отпраздновать радость въ пьяной компаніи. Не стѣняясь саномъ и своимъ высокимъ положеніемъ въ средѣ мірянъ, клирики производили соблазнъ безобразнымъ поведеніемъ на улицахъ и дома (3). Такимъ образомъ, получалось не воспитательное, а напротивъ, деморализующее влияние со стороны пастырей на паству. — Въ своей краткой характеристикѣ духовенства Посошковъ еще многого не договариваетъ. Какъ поклонникъ духовнаго чина, онъ, можетъ быть, и нарочно умалчиваетъ о его нѣкоторыхъ порокахъ, и скорѣе переходить къ изысканію мѣръ исправленія клира. Средства къ тому, чтобы священныи чинъ освободился „отъ своихъ неключимствъ, чтобы въ Россіи возсіялъ яко новый свѣтъ и люди прямо стали разумѣть, какъ Бога знать и какъ Его молить и какъ угодниковъ Божіихъ почитать и въ помощь себѣ призывать и какъ все житіе свое христіанское вести" — у Посошкова предлагаются тѣ же, какія предлагались и раньше его, т. е. школы для дѣтей духовенства. „Ради священнической неисправности (читаемъ главѣ о духовности) надлежитъ о священницѣхъ великое попеченіе имѣти", т. е. „во всѣхъ епар-

(1) Книга о скудости и богатствѣ, гл. 1, стр. 9, 10, 11, 21, 22

(2) Стр. 21, 10

(3) Стр. 21

заякъ (построить школы пространныя и въ тѣ школы собрать всѣхъ поповыхъ и дьяконовыхъ и дьячковыхъ и пѣномарскихъ дѣтей, отъ градскихъ и отъ уѣздныхъ, отъ десятилѣтнихъ даже до двадцати-пяти-лѣтнихъ; и буде которые отцы добромъ ихъ въ школы отпустить не похотятъ, то брать бы, ихъ и неволю^а). Не бывшихъ въ школы не допускать до пресвитерства и дьяконства. При такой условии, причетники, желающіе повышенія по службѣ, не задумаются и тридцати лѣтъ поступать въ ученое; какъ люди взрослые, они пройдутъ курсъ образованія въ два-три года. „И такимъ способомъ (мечталъ Посошковъ) вся Россія можетъ умудряться¹ не весьма многими лѣты; сие преславное дѣло трудно только начать да основати, а тамо будетъ оно и само правитися. понеже ученіе умнымъ и острымъ людямъ весьма охотно и полезно бываетъ (1).

Насколько Посошковъ былъ правъ въ своихъ надеждахъ на скорое просвѣщеніе Россіи, это выяснитъ ниже. Здѣсь же замѣтимъ, что не одинъ Посошковъ задумывался надъ вопросомъ объ образованіи духовенства. Всѣ лучше люди разсматриваемой эпохи, близко стоявшіе къ интересамъ духовенства, потрудились въ пользу его образованія или словомъ или дѣломъ. Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ, св. Дмитрій Ростовскій, Ювъ Новгородскій, Іоаннъ Максимовичъ, Гавриль Вужинскій, Елифанъ Белоградскій и др., подъ покровительствомъ осударя, неутомимо преслѣдовали разъ поставленную цѣль—хоть сколько нибудь поднять уровень религіозно-нравственнаго развитія клира. Сообразно съ своими собственными научными симпатіями и взглядами на нужды Россіи въ данномъ случаѣ, они дѣйствовали не одинаково относительно характера, программы обученія, не одинаковыя трудности преодолевали на пути къ своей цѣли, не одинаковыми средствами пользова-

(1) О Духовности, стр. 11 и 12

лись для ея достижения, но ихъ объединяла общая цѣль и общія ревность въ трудѣ. Честь основанія и поддержки школъ принадлежить имъ вполнѣ Правительство только содѣйствовало имъ своимъ авторитетомъ, санкционировало ихъ трудъ указами, хотя послѣдніе нерѣдко впрочемъ шли въ разрѣзъ съ интересами духовно-училищнаго дѣла и тормозили его

2) **Духовныя школы въ петровскую эпоху.** Главныхъ дѣятелей, заботившихся объ устройствѣ школъ при Петрѣ, можно раздѣлить на три разряда. Одинъ составляли лица, получившія образование на сѣверѣ Россіи, самоучкой, путемъ простой начитанности, образование не-систематическое и чуждое иностраннаго элемента; сущность его состояла въ знакомствѣ съ св. писаніемъ, святоотеческими произведеніями и съ русской духовной литературой. Другой разрядъ состоялъ изъ лицъ, образованныхъ въ южно-русскихъ школахъ (преимущественно въ киевской коллегіи) и вынесшихъ оттуда любовь къ схоластической наукѣ. Къ третьему разряду слѣдуетъ отнести людей, знакомыхъ съ схоластической наукой, но не питавшихъ къ ней особенныхъ симпатій, даже предпринимавшихъ борьбу противъ ея крайностей. Представители всѣхъ этихъ разрядовъ волей-неволей, оставили слѣды своего воспитанія на тѣхъ школахъ, которыя были ими основаны или находились подъ ихъ надзоромъ, хотя духовное правительство старалось установить общую норму въ образованіи будущихъ служителей церкви, составило программу предметовъ обученія и предписало возможности держаться ея.

Самый простой проэктъ устройства духовной школы и самую простую программу обученія въ ней находимъ у Посошкова, челоуѣка мало знакомаго съ училищными порядками, но хорошо понимавшаго насущныя потребности русскаго народа и духовенства въ частности. Не надѣясь исключительно на себя само, онъ подавалъ свои „писанія“ и „доношенія“ относительно духовныхъ школъ митрополиту Стефану Явор-

скому, какъ болѣе компетентному судѣ въ данномъ случаѣ. На первомъ планѣ у Посошкова стоитъ грамматика. Но онъ совѣтуетъ исправить и сдѣлать общедоступною, такъ чтобы она изучалась любителями грамоты безъ помощи учителя. (1) Потомъ, по его проекту, при школѣ долженъ быть „духовный учитель“, подъ руководствомъ котораго можно было бы „учиться и вразумляться всякому благочестію и страху Божию и священная писанія толковать и всякому доброму праву навикати и въ доспытацияхъ подтверждаться“ Т. е. обязанностию духовнаго учителя, говоря подробнѣе со словъ Посошкова, было: чрезъ толкованіе св. Писанія преподавать основныя христіанскія истины, религіозныя и нравственныя — научить будущихъ пастырей „церковному обхожденію“, при чемъ особенное вниманіе обращать на литургію; упражненіями въ диспутахъ развить въ ученикахъ потемическую способность, всоходимую въ священникѣ, когда его паства смущается расколомъ и другими „еретическими лжеученіями“; слѣдить за благоповеденіемъ воспитанниковъ, узнавать ихъ нравственныя наклонности и умственныя способности лучшихъ отмѣчать, какъ особенно годныхъ для церковнаго служенія, и по преимуществу готовить ихъ къ принятію сана. Обязанности свѣтскаго учителя у Посошкова не выяснены. Реторику и философію Посошковъ допускаетъ въ школѣ какъ роскошь и назначаетъ ихъ только для самыхъ даровитыхъ учениковъ. При школѣ должна быть биб-

(1) Грамматикѣ Посошковъ давалъ особенное значеніе. Онъ разсуждалъ невѣжество народа зависитъ отъ невѣщества духовенства, поoldнее невѣжественно, потому что безграмотно, его нужно научить читать книги (въ механическомъ смыслѣ читать); слѣд., нужна „добрая“ грамматика. Полагаясь на грамматику и руководясь личнымъ опытомъ, онъ, какъ самоучка, на первыхъ порахъ какъ будто не признавалъ нужды въ школахъ и больше полагался на самообученіе. «Если намъ только въ школахъ учиться всякаго благоразумія (писалъ онъ), то чая на во ото лѣтъ намъ не научиться будетъ» Доконеніе къ Стефану Яворскому, Изд. М. Погодина ч. 1, стр. 312. Хр. Чт. 1878 г. Прилежана, «О невѣданныхъ сочиненіяхъ Посошкова»

библиотека — изъ книгъ, главнымъ образомъ, духовнаго содержания (¹) Подготовивъ ученика теоретически къ его будущему служению и сообщивъ ему добрые навыки, Посошковъ выпутствуетъ его изъ школы практическими софѣтами, пригодными для него въ ежедневномъ обращеніи съ паствою. Чтобы оградить дѣятельность священника въ приходѣ отъ не заслуженныхъ нареканій и сообщить ей нормальную законность, онъ пишетъ проэктъ о церковныхъ документахъ, о книгахъ родильныхъ, крестильныхъ, исповѣдальныхъ, причащальныхъ, вѣнчальныхъ и описныхъ (²). Наконецъ, Посошковъ пытается рѣшить и вопросъ о матеріальномъ бытѣ духовенства.

Какъ видимъ, проэктъ Посошкова не отличается ни обширностію, ни новизною взгляда, ни особенною отчетливостію. Онъ выросъ на почвѣ тогдашняго великорусскаго образованія, не подвинувшагося дальше священныхъ и церковныхъ книгъ и державшагося исключительно на переводной и подражательной русской духовной литературѣ, хотя, нужно сознаться, этотъ проэктъ хорошо примѣнялся къ современнымъ насущнымъ нуждамъ духовенства. Отсутствію новизны и оригинальности взгляда въ немъ и послужило, кажется, причиною непопулярности его въ петровскую эпоху, эпоху всевозможныхъ новшествъ и крутыхъ реформъ. Правда, у Посошкова встрѣчаются мечты объ устройствѣ „академіи великой“, т. е. высшей духовной школы, но составъ этой академіи у него совсѣмъ не обрисованъ и сказать о ней что вибудъ опредѣленное нельзя. Школа, рекомендуемая имъ для каждой епар-

(¹) Для составленія библиотекъ рекомендуется напечатать довольно много Библии, маргаритовъ, сборниковъ учительныхъ, толковыхъ евангелій и апостольскихъ бесѣдъ четыхъ-миней и другихъ церковныхъ книгъ, Камель вѣры Розыскъ и Зерцало очевидное (написанное самимъ Посошковымъ). Прощицу и если можно, сочиненія противъ древнихъ ересей и противъ католичества и протестантства.

(²) Хр. Чт 1878 г. Приложавъ, стр. 62 и дал.

хи, тоже не отчетливо представлена въ его проэктѣ,— нѣтъ самыхъ необходимыхъ подробностей предметы обучения у Посошкова не перечислены, нѣтъ у него и указанія, въ какихъ размѣрахъ должна была проходиться та или другая наука, нѣтъ, наконецъ, правилъ инструкции, которая опредѣляла бы дѣйствія учениковъ и наставниковъ. Все дѣло въ Посошковской школѣ сводится къ вразумительному чтенію книгъ духовнаго содержанія подъ руководствомъ учителя и къ диспутациямъ, въ которыхъ учитель, по Посошкову, имѣетъ легкое средство распознавать способности и наклонности учениковъ, годныхъ или негодныхъ въ духовное заведеніе. Въ дополненіе къ чтенію грамматическому и духовному, находимъ у Посошкова совѣтъ давать питомцамъ книги „бытскія“. Что онъ разумѣлъ по въ этими книгами, сказать трудно; ясно только, что онъ отводилъ имъ второстепенное мѣсто. „Не худо бы давать имъ (ученикамъ) и лѣтописныхъ книгъ почитать, чтобы обо всемъ знали, что доселѣ бывало“, говоритъ въ заключеніе Посошковъ, и опять говоритъ общо, безъ подробностей, какъ человѣкъ мало знакомый съ дѣломъ, за которое взялся, а только умный и благожелательный.

Воспитанники южно-русскихъ училищъ, вызванные Петромъ В. въ Москву, привесли съ собой свой идеаль образованія и старались осуществить его въ подвѣдомственныхъ имъ школахъ. Этотъ идеаль былъ принять за норму и правительствомъ, хотя не безъ нѣкоторыхъ измѣненій и допотвѣній, внесенныхъ въ него составителями духовнаго Регламента.—Киевская коллегія, послѣ ея преобразования Петромъ Могилою, стала копіею съ коллегій западныхъ, т. е. ввела у себя схоластическую методъ преподаванія, допустила господство латинскаго языка, по классамъ раздѣлилась на фару инфиму, грамматику, синтаксисъ, поэзію, реторику, философію и богословіе, поведение учениковъ опредѣлила точными правилами. Цѣль образованія заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы вос-

питать въ школьникахъ хорошихъ диспутантовъ и полемистовъ на защиту православія противъ католицизма. Собообразно съ этою цѣлю, преподавались здѣсь: риторика, философія и богословіе, за образецъ которыхъ взяты были системы западныхъ ученыхъ съ опущеніемъ отдѣловъ, догматически противорѣчившихъ духу православія. До 18 в. кievская коллегія была единственнымъ образцовымъ училищемъ въ Россіи; питомцы ея были образованнѣйшими людьми въ русскомъ духовенствѣ. Не удивительно, поэтому, что Петръ приказалъ (въ 1701) митрополиту Стефану Яворскому и въ Москвѣ: учредить академию съ „латинскими учениями“. Изъ Кіева, по распоряженію государя, приглашены были учителя и подготовленные ученики, съ ними перешли въ Москву и кievская учебная программа и школьная администрація. Короче сказать, на сѣверѣ Россіи явилось училище южно-русскаго типа, училище образцовое для другихъ духовно-учебныхъ заведеній, которыя тогда одно за другимъ начали появляться по епархіямъ.

„Ученія латинская“ нашли себѣ кредитъ на практикѣ во вновь устроявшихся школахъ какъ потому, что утверждены были правительствомъ, такъ и потому, что имъ симпатизировали многие епархіальные архiereи (южно-руссы по происхожденію), подъ непосредственнымъ надзоромъ которыхъ состояло училищное дѣло, хотя многимъ школамъ, или за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, или за неимѣніемъ хорошихъ учителей, программа кievской коллегіи была далеко не по силамъ. Напримѣръ, въ Ростовѣ, св. Димитрій, основавъ школу (въ 1702 г.) ввелъ въ ней изученіе латинскаго языка, не смотря на то, что по стѣсненнымъ обстоятельствамъ, не могъ рассчитывать на процвѣтаніе своего заведенія (оно скоро и закрылось), и въ болѣею пользою для дѣтей могъ бы употребить лишніе часы на основательнѣйшее учение предметовъ, специально отвѣчавшихъ ихъ будущей профессіи. Благодаря учителямъ—малороссамъ, прибывшимъ въ Ростовъ вмѣстѣ съ митрополитомъ, мальчики здѣшней школы

принуждены были изучать еще польскій и греческій языки. Латинскій языкъ былъ введенъ и въ Черниговской епархіальной школѣ (основ. въ 1700 г.), которая тоже не могла похвалиться особливими успѣхами педагогическаго дѣла и поступила бы лучше, если бы главное вниманіе обратила на русскій языкъ и др. болѣе необходимые и доступные дѣтямъ духовенства предметы. Покровителемъ этой школы былъ Іоаннъ Максимовичъ. Въ Смоленскѣ—тоже самое: м. Дороевъ Короткевичъ и учитель Іоасафъ Маевскій сформировали въ 1714—15 гг. училище „по реторикѣ“ по образцу кievской коллегіи, которое чрезъ при года, со смертію Дороева, осталось съ 19-ю учениками, проходившими уже только чтенію, письмо и пѣніе (*). Лучше шло преподаваніе въ бѣлоградской школѣ, основанной еп. Епифаніемъ. Тамъ нашли возможнымъ открыть семь классовъ (по философію); численность учениковъ доходила до сорока человекъ; въ каждомъ классѣ занимался особый учитель. Но отсутствіе хорошей библіотеки и достаточныхъ матеріальныхъ средствъ и здѣсь сильно вредило дѣлу, такъ удачно начатому. Въ рязанской школѣ, съ тѣхъ поръ какъ она поступила подъ покровительство Гавріила Бужинскаго, изучали. букварь, славянскую грамматику, часословъ и псалтирь. Кажется—къ чему тутъ латинскій языкъ? А онъ былъ введенъ. Въ Казанской школѣ при м. Тихонѣ пятеро учениковъ изучали: „букварей на изусть и толкованій грамматическихъ четырехъ статей, орфографіи, этимологіи, просодіи орфографійной и синтаксисіи осми частей слова, уравненій, окончаній родовъ, склоненій, спряженій, такожде діалекта латинскаго, вокабулъ, сентенцій, дельянацій и регулъ со экспликаціями и писанія того же діалекта, о седми тайнахъ церковныхъ, гратуляцій и привѣтствій различныхъ, комедійныхъ акцій.... такожь интермедій; ариометическихъ

(*) Прав Соб 1878 г ноябрь, стр 41—2